

УДК 902.01(045)

К. В. Ванюшева

**ВСТРЕЧА С «ДРУГИМ»:
ПЕРЕПИСКА О. Е. КЛЕРА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
ПОЕЗДКИ БАРОНА Ж. ДЕ БАЯ НА УРАЛ В 1896 г.***

Данная статья представляет собой попытку увидеть глазами уральского исследователя О. Е. Клера образ российской науки кон. XIX в., который вырисовывается через оценки, данные им прямо и косвенно при столкновении с миром зарубежной науки. Любое межкультурное взаимодействие изначально строится на оппозиции «мы-они», «свой-чужой». Исследование восприятия барона Ж. де Бая российскими провинциальными деятелями раскрывает образ «чужого» или «другого», а также противопоставляемый ему образ «себя», «своих». Через взаимодействие с представителем другой страны осознается уровень развития национальной науки, проявляется критический взгляд на организацию археологических исследований на Урале и в России в целом. Таким образом, изучение переписки О. Е. Клера об организации поездки французского археолога барона Ж. де Бай на Урал в 1896 г. – возможный путь познания идентичности российского профессионального сообщества кон. XIX в. и сложившихся в нем стереотипов в сопоставлении с другими. В статье анализируются письма О. Е. Клера 1896 г. разным лицам: В. Г. Дружинину, представителю Императорской Археологической комиссии; Н. Н. Новокрещенных, археологу, председателю Пермской ученой архивной комиссии; Д. П. Соломирскому, местному коллекционеру и меценату. Сначала в их письмах проявляется тягостное ожидание почетного гостя, но после встречи оно сменяется абсолютной расположенностью к французскому ученому, способному, в отличие от местных чиновников, ценить и уважать работу других людей.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, оппозиция «свой–чужой», провинциальное сообщество, отечественная археология, французы на Урале, письменные источники, переписка, О. Е. Клер, Ж. де Бай.

С развитием исторической антропологии и истории ментальности в последние два десятилетия в орбиту исторических исследований с новой силой входит изучение межкультурного взаимодействия и национальной идентич-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта №14-18-03573 ««Поля несуществующего»: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

ности. Эта проблема решается на основе междисциплинарного подхода, поскольку опыт теоретического изучения столкновения двух разных миров был накоплен в философии, социологии, культурологии, филологии. В 1994 г. журнал «Одиссей» посвятил специальный номер образу «Другого» в культуре разных народов [11]; в 2012 г. «Диалог со временем» опубликовал блок статей «Свой»–«Чужой»–«Другой», отразив успешное применение данного концепта на материале совершенно разных эпох [8; 15].

В истории археологии проблема оппозиции «мы–они» так или иначе рассматривалась в связи с изучением межкультурного взаимодействия столичных и провинциальных, российских и иностранных археологов [2; 9; 10; 14], при раскрытии отношений «ученый–власть» [18]. Важно проследить результаты межкультурной коммуникации в период становления профессиональной археологии в России именно на уровне формирования самосознания провинциальных исследователей.

В статье предпринята попытка увидеть глазами уральского исследователя О. Е. Клера образ российской науки кон. XIX в. через оценки, данные прямо и косвенно при соприкосновении его с миром зарубежной науки. Соприкосновение двух культур запускает в провинции процессы самоанализа уровня развития национальной науки, организации археологических исследований. Таким образом, в изучении переписки О. Е. Клера об организации поездки французского археолога барона Ж. де Бай на Урал в 1896 г. видится возможный путь познания идентичности российского профессионального сообщества кон. XIX в. и сложившихся в нем стереотипов в отношении других. Конечно, О. Е. Клер – тоже приезжий иностранец, что не может не сказываться на его оценках происходящих событий, но к 1896 г. он уже достаточно долго жил на Урале, участвовал в общественной жизни, писал труды по истории, минералогии, ботанике края, так что его можно считать представителем местной корпоративной культуры (т. е. представляющим взгляды и настроения региональной интеллигенции).

Пространство личных писем, в которых обсуждаются необходимые мероприятия для встречи гостя, – отличное поле для исследования первоначальных представлений об этом «Другом», поскольку образ его начинает складываться задолго до реальной встречи. Страхи и опасения, возможные сценарии взаимодействия в уме принимающей стороны задаются смешением «архетипических представлений с впечатлениями повседневной жизни», дополненными сведениями, полученными из книг и от других людей [15. С. 14–15]. Исследуя этот обобщенный образ, необходимо ответить на следующие вопросы: каков сам образ, как он сформировался, почему он таков, каким целям он служит, какие изменения он претерпел и что это говорит о его создателях [15. С. 16].

Амур-Огюст-Луи-Жозеф Бертло, барон де Бай (1853–1931) был представителем старинного французского рода. Не удалось выяснить подробности его образования, в русскоязычной литературе отмечается лишь, что он с ранних пор посвятил себя изучению антропологии и доисторической археологии. В научном плане интересы барона были связаны с палеолитом и эпохой Великого переселения народов. В 1870–1880-е гг. он опубликовал 50 статей по результатам своих исследований и подготовил фундаментальное издание «Доисторическая археология» [12. С. 60].

Жозеф де Бай впервые приехал в Россию уже сложившимся ученым с богатым опытом ведения раскопок и опубликования результатов своих исследований. В 1890 г. он принял участие в VIII всероссийском Археологическом съезде, проходившем в Москве. Он совершил археологические экскурсии по Центральной части страны, посетил Урал, Сибирь, Кавказ, Крым.

Летом 1895 г., путешествуя по России, де Бай впервые посетил Екатеринбург. Целью его поездок по Уралу, вероятно, как и в Сибири, было посещение археологических мест, связанных с эпохой палеолита. Здесь, вместе с ученым секретарем Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) О. Е. Клером, сопровождавшим гостя по просьбе пермского губернатора, барон совершил три экскурсии на известные археологические и природные памятники региона. Во время поездки он собрал коллекцию древних каменных орудий и фрагментов глиняных горшков. Тогда же де Бай выступил на заседании УОЛЕ с кратким сообщением об археологических находках во Франции и подарил музею общества уникальную коллекцию сувениров, выпущенных предприятиями Парижа, Лиона и Лиможа в честь Франко-Русского союза. Коллекции археологических предметов, собранные на Палкинских стоянках и Шигирском торфянике, он увез во Францию [7. С. 124; 17].

Для подготовки очередного приезда барона де Бай на Урал в 1896 г. О. Е. Клер вел переписку с разными деятелями, в том числе с В. Г. Дружининым – представителем Императорской Археологической комиссии, Н. Н. Новокрещенных – археологом, председателем Пермской ученой архивной комиссии, Д. П. Соломирским – коллекционером, на чьих землях располагались интересные археологические памятники.

Своими научными интересами В. Г. Дружинин был тесно связан с Уралом: в 1890-е гг. он проводил раскопки городищ в Екатеринбургской губ., изучал курганы в Пермской губ. [6. С. 119–120]. Судя по материалам, сохранившимся в Госархиве Свердловской обл., их общение было дружески-деловым, не очень интенсивным, но достаточно продолжительным [3].

Горный инженер Н. Н. Новокрещенных был единомышленником О. Е. Клера. Помимо своей основной деятельности, он занимался просветительской и краеведческой работой. Именно он должен был встретить барона и организовать его пребывание в Перми.

Д. П. Соломирский был известным коллекционером Урала. О. Е. Клер поддерживал с ним доброе знакомство и пользовался расположением мецената, который любезно позволял устраивать научные экскурсии на объекты, расположенные в его владениях, оказывая при этом всю необходимую помощь.

Таким образом, письма всем трем респондентам представляют собой тексты для «внутреннего» пользования, адресованные близким коллегам, соратникам. Это определило специфику содержания и форму изложения: не нужно было бояться откровенных суждений, нарочно восхвалять или принижать объект обсуждения.

В письмах, написанных накануне приезда француза, О. Е. Клер называет его «почтенный гость» [4. Л. 74–75], «знаменитый ученый», «почтенный барон» [4. Л. 1–4], «известный французский археолог» [4. Л. 90–92], в чем выражается уважительное, но достаточно формальное отношение к предстоящей встрече.

Образ французского археолога в восприятии О. Е. Клера формируется на основе личного опыта общения с бароном, поскольку тот уже приезжал в Россию, и эти два увлеченных человека «сдружились прошлым летом» [4. Л. 1–4], а затем переписывались. В Алфавитном указателе к письмам, полученным О. Е. Клером на иностранных языках, можно обнаружить 11 записей о посланиях от барона де Бай с ноября 1895 г. по июль 1896 г. [5. Л. 2], что говорит об интенсивности их общения. Кроме того, несомненно влияние политических настроений на формирование образа: «у меня мои здесь держали совет с представителями города и пр. о порядке и способе встречи <...> франко-русская симпатия на первом плане» – пишет О. Е. Клер [4. Л. 64–67]. Как известно, в 1880–1890-е гг. усиливается франко-русское взаимодействие: займы на государственном уровне и иностранные вливания в российскую промышленность, политическое сближение, выразившееся в подписании в 1893 г. военной конвенции. Благодаря «Русскому роману» Э. М. де Вогюз французское общество открыло для себя мир классической русской литературы, массово стали печататься произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и др., появляется ряд капитальных исследований, посвященных русской теме.

При взаимодействии «своих» и «других» ярко проявляются национальные особенности характера, влияющие на профессиональную культуру их носителя, выбор им тех или иных моделей поведения. Одна из таких особенностей – безграничное гостеприимство. Стремление угодить гостю может поставить хозяина перед трудным выбором. Особенно это касается иностранцев, поддержание хороших отношений с ними регламентируется дипломатическими отношениями стран. Соответственно, на О. Е. Клера была возложена ответственная политическая миссия – организовать пребывание уважаемого иностранного учёного на должном уровне. Предвосхищая возможное развитие событий и желая не обидеть гостя, а в его лице и всю Францию, О. Е. Клер намеренно ограничивает свои права распоряжаться найденными археологическими ценностями и прибегает к авторитету столичной государственной организации: «Мне думается, что, если я буду состоять в командировке от Императорской Археологической Комиссии с обычными обязательствами, мне легче будет совместить долг гостеприимства с соблюдением интересов Российских музеев» – пишет он В. Г. Дружинину [4. Л. 1–4]. Таким образом, провинциальный исследователь снимает с себя часть ответственности, передавая разрешение вопроса вывоза национальных ценностей на государственный уровень.

Другой вопрос, волнующий О. Е. Клера в связи с приездом гостя, – необходимость более тщательной организации археологической экскурсии, привлечение большего числа специалистов, поскольку «вероятность присутствия барона де Бай потребует от меня разностороннего внимания» – пишет он В. Г. Дружинину [4. Л. 1–4], а в письме к Н. Н. Новокрещенных добавляет: «придется понынчиться с бароном» [4. Л. 64–67]. Все функции участников должны быть четко распределены заранее, чтобы не попасть впросак, не упустить важных деталей разрушаемого ради науки памятника. Вероятно, на основе прошлогоднего опыта сопровождения де Бая О. Е. Клер предполагал, что сам не сможет уделить должного внимания правильности ведения раскопок, фиксации материала, оформлению оправдательной документации.

Особенностью национального самосознания можно назвать чрезвычайную скромность, принижение собственных заслуг. О. Е. Клер относит себя к «psevdo археологам» [4. Л. 151–154], любителям, даже дилетантам. И это несмотря на 20-летние занятия археологическими исследованиями и сообщения на заседаниях УОЛЕ по проблемам истории древнейшего населения Урала.

Немало о восприятии французского ученого российской провинцией скажет анализ страхов и опасений О. Е. Клера по поводу приезда барона. Судя по тому, что древности, собранные во время прошлогоднего приезда, барон с разрешения местных властей увез во Францию, вероятно, он и в этот раз надеется на пополнение своих коллекций. «Я, хотя и дорогой ценой участия такого знаменитого ученого в исследовании Урала, однако вовсе не сочувствую уходу за границу таких предметов, естественное место которых в России», – пишет В. Г. Дружинину обеспокоенный О. Е. Клер [4. Л. 1–4]. Дилемма стояла весьма непростая: или ради развития российской науки показать профессионалу наиболее любопытные памятники, но тогда согласиться отдать часть уникальных находок за границу, или (в целях сохранения национального достояния на Родине) отвести его на заведомо менее интересные объекты, которые не сулят ничего нового, но и, возможно, отказаться от научных открытий.

Причина опасений была вполне объективной. Интерес иностранных ученых к отечественным древностям объясняется господствовавшей тогда гипотезой о том, что древние европейские народы познали обработку металлов, земледелие и скотоводство через переселенцев с территории России. Урал в этом отношении считался одним из наиболее перспективных мест для изучения. Провинциальный исследователь Н. А. Рыжников, одно время работавший вместе с О. Е. Клером, писал в 1907 г. в Московское археологическое общество, что за границу уходит «9/10 собираемых на Урале древностей» [16].

Для О. Е. Клера решение вопроса в данном конкретном случае было очевидно: «в прошлом году я и повез почтенного барона на старые раскопки мои и покойного М. В. Малахова, где он и набрал хотя и немало интересных предметов, но такие, какие уже имеются и здесь, и в Петербурге» [4. Л. 1–4].

Другого рода его опасения были связаны с необходимостью занимать барона, всецело организовывая его досуг. Проблемой при этом мог стать обычный дождь: «Если будет такая погода при де Бай, куда я с ним денусь?» – пишет он Н. Н. Новокрещенных: на экскурсию не поедешь, «в музее красят и штукатурят», в квартире «печи переключивают», а значит, поработать с коллекциями не будет никакой возможности [4. Л. 64–67]. Это влечёт за собой другую опасность – «разные нарушения обычного порядка»: обильные застолья с нарушением диеты и крепкими алкогольными напитками [4. Л. 64–67]. Традиционные знаки гостеприимства для О. Е. Клера, с его больным желудком, были страшным испытанием.

При всем уважении к французскому археологу в письмах провинциального уральского исследователя проявились черты стереотипного мышления по отношению к *другим* – убеждение в превосходстве всего *своего* над *чужим*. Так, противопоставление «своих» и «чужих» проявляется в ироничном предложении О. Е. Клера устроить для Ж. де Бая поездку с С. И. Сергеевым «для ознакомления с прелестями способов передвижения в таких дебрях» [4. Л. 64–67]. Образ

иностранных ученых как рафинированных господ, не имеющих представления о реальных трудностях, с которыми сталкивается рядовой археолог в России (например труднодоступность некоторых археологических объектов), противопоставляется образу «своих» как выносливых и привыкших ко всему.

Мысли о приезде барона у принимающей стороны вызвали разные чувства: предвкушение встречи с уважаемым ученым, волнение о бытовой стороне организации поездки, напряжение по поводу возможной необходимости отдать интересные археологические находки, ироническое представление: как барон будет пробираться к памятнику через труднопроходимые уральские дебри. Однако при всей парадности фасада встречи почтенного французского гостя, образ «другого», возникший в переписке об организации его поездки, сводится к ожиданию прибытия большого капризного ребенка. Его надо всецело опекать, развлекать, дарить игрушки и быть готовым отдать то, что ему понравится. Возможно, это было вызвано ревностным отношением к иностранцам в целом, которые, располагая лишь финансовыми средствами, собирали сливки с найденных в стране древностей.

Противопоставляемый же образ «себя», «своих» обладает чертами взрослого сознательного человека, организованного, думающего об общем благе. Судя по расставленным автором акцентам и поднимаемым темам, археологическая наука на Урале находится в руках опытных людей, знатоков своего дела, истинных патриотов, болеющих за развитие научных знаний. Ко всему прочему – скромных и не выпячивающих своих достоинств.

После отъезда барона письма О. Е. Клера, напротив, содержат больше восхищения, преклонения перед иностранным ученым, без негатива и претензий. Образ «другого» трансформировался: первоначальные опасения не оправдались, и встреча прошла гладко. Поездка Ж. де Бай на Урал летом 1896 г. укрепила дружеские отношения русских и французских археологов. В письме А. П. Карпинскому О. Е. Клер называет барона *persona grata*, одним из инициаторов франко-русского союза; и отмечает, что тот «имеет прекрасную привычку восхвалять в своих отчетах Россию и все русское» [4. Л. 151–154]. Новый образ француза, возникший в представлении О. Е. Клера летом 1896 г., – это тот, которого ждут с огромным желанием: он показал себя благодарным, способным видеть и ценить оказанное ему внимание, восхищаться работой других людей. Кроме того, он заслужил уважение местных исследователей своим детальным знанием многих интересных в научном отношении местностей в России.

Всего французский ученый был в России 14 раз. Помимо центральной части страны и Урала, он путешествовал по Сибири (до Енисея) и в Закавказье. По результатам этих поездок он издал многочисленные этнографические и археологические брошюры: «От Волги до Иртыша», «Ананьинский могильник в Вятской губернии», «Черемисы и вотяки», «Остяки и Башкиры», «От Пензы до Минусинска» и др. [1; 13. С. 462].

Во время своего последнего пребывания в России (с июля 1914 по октябрь 1920 гг.) де Бай был арестован и брошен в тюрьму на Лубянке. Освободили его благодаря вмешательству мадам Троцкой, которая выдала его за сотрудника Московского исторического музея. Несмотря на испытания, выпавшие на долю

барона де Бай в России, он до последних своих дней не переставал верить в процветание и научное сотрудничество двух родных ему стран.

Далее впервые приведем сами письма (исключение составляет послание В. Г. Дружинину от 3 февраля 1896 г., которое уже было опубликовано [3]). Они обнаружены нами в Госархиве Свердловской обл., в личном фонде Клера. Письма расположены в хронологической последовательности, приводятся в современной орфографии, пунктуация О. Е. Клера.

№ 1

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Никифорович!

На днях я получил письмо от Бароне де Бай, выехавшего из Москвы 1 сего июня; он пишет, что остановится в Нижнем, Казани, Болгарах, Елабуге и Перми. Вам в Перми, конечно, придется, как главному представителю Уральского общества, познакомиться с бароном, хотя, вероятно, не очень долго, ибо если Федор Александрович не вернулся из Нижнего, едва ли де Бай найдет много там предметов исследования. Недурно бы устроить ему поездку с С. И. Сергеевым в его пещеры, преимущественно для основательного ознакомления с прелестями способов передвижения в таких дебрях. Если нет, то нельзя ли Вам вести его в Кизеловскую пещеру, более доступную, хотя, быть может, без явных следов древнего обитания; заодно Вы добыли бы материалы для детального описания оной. – Считал прекрасной прогулкой вперед и обратно до Верх-Нейвинска сущую тратою времени, я намерен выехать туда к нему на встречу и тогда же сопутствовать ему на Шигирский прииск, а оттуда уже в Екатеринбург. – У меня мои здесь держали совет с представителями города и пр. о порядке и способе встречи. В общей сложности все должно выйти вроде прошлогоднего, хотя с некоторыми вариациями: франко-русская симпатия на первом плане. – В Екатеринбурге барону нечего будет делать: в музее штукатурят и красят, а у меня в квартире печи перекалдывают, так что придется совсем выйти из *<нрзб>* на время.

Как только определится время выезда барона из Перми, пожалуйста, телеграфируйте мне, чтобы не вышло излишней поспешности в наших действиях.

Здесь вот уже дней 10, как дождь идет почти беспрестанно, так что, вместо отдохновения на экскурсиях со своими ребятами, задыхаемся здесь от печной пыли. Мое здоровье все в одном положении: малейшие случаи нарушения диеты вызывают сильные боли в желудке; лечусь, да толку мало. Поэтому заранее опасаясь приезда де Бай и сопряженных с ним разных нарушениях обычного порядка: вот около месяца, как я к водке и не прикасаюсь, нигде не бываю и питаюсь преимущественно канцелярщиною. Наша новая комиссия *<нрзб>*.

Если будет такая погода при де Бай, куда я денусь с ним?

Пожалуйста, напишите Ваши соображения по нашим делам. Будьте здоровы. Глубочайший поклон супруге Вашей и детям. Дай Бог вам всего хорошего во всех отношениях.

Искренне преданный Вам О. Клер

Екатеринбург 11 июня 1896 г.

ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3. Л. 64–67.

№ 2

Милостивый государь,

Глубокоуважаемый Дмитрий Павлович!

В скором времени приедет Барон de Baue; который, сильно заинтересовавшись подаренными Вами фотографиями Сысертских древностей, намерен навестить Вас и уделить несколько дней на экскурсии по Вашим дачам (гора Думная, Караульная и др.,

озера Щелкун и Багаряк). Узнав вчера от Пети Кронеберг, что Вы собираетесь ехать за границу и что, следовательно, нельзя надеяться застать Вас дома, осмеливаюсь покорнейше просить Вас сделать распоряжение об оказании Барону некоторого содействия при посещении им Ваших владений. Если мое здоровье позволит, я намерен совершить эти экскурсии с ним, и желал бы в таком случае, чтобы половина находок была назначена для нашего музея, конечно, если последует на то Ваше разрешение.

Я заранее убежден, что местные распорядители *propriu moto* сделают возможное для нашего почетного гостя, но мне думается также, что Вам будет приятно уполномочить их действовать в данном случае от Вашего имени.

Примите уверения в совершенном уважении и искренней преданности, с которой имею честь быть,

Глубокоуважаемый Дмитрий Павлович,
Покорнейшим Вашим слугой О. Клер
Екатеринбург 17 июня 1896 г.
ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3. Л. 74–75.

№ 3

17 сент. 1896

Милостивый государь, Глубокоуважаемый Дмитрий Павлович!

<...>

Боюсь, что я несколько злоупотребил оказанным Барону, а по пути и мне, гостеприимством и вниманием, взяв с собой своих сыновей. Положим, что они были бесполезны во время наших экскурсий, так как молодые их глаза с детства приучены к наблюдательности, – но все же считаю долгом извиниться за причиненные их присутствием лишние хлопоты вашим главным служащим, тем более, что прием, везде оказанный ими нашей экспедиции, превзошел все, что встречал Барон в нашем крае, о чем он вспоминает с особенным чувством почти в каждом письме.

ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3. Л. 109–110.

№ 4

Екатеринбург

29 декабря 1896 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Никифорович!

Не имея опять возможности приехать и лично поздравить Вас и Ваших всех с праздниками Рождества Христова и Нового года, шлю Вам сердечные пожелания доброго здоровья и вообще всякого благополучия. Год тому назад Вы были здесь и отдыхали после пожара музея! – Должно быть, это 29 число декабря не из счастливых: сегодня вышел первый номер «Урала», но увы! Таким комом, что уже совестно.

<...>

Приезжал сюда г. Губернатор, я явился к нему в надежде, что спросить про Общество и что удастся услышать от него какие-либо < нрзб > указания: ни слова! Он поздравлял со званием, отхлопотанным Бароном де Бай: поменьше бы почестей бесполезных и побольше поддержки фактической! На деле же эти заморские отличия только раздражают мое ближайшее начальство и ухудшают мое и без этого незавидное положение: колкие слова, насмешки, но ни одного намека даже вроде поздравления. Конечно, мне было бы несравненно приятнее оставаться в своем углу и без почестей и без оскорблений! Все больше и больше завидую Наталье Николаевне и мечтаю о спокойном уголке где-нибудь по соседству с ней.

<...>

Преданный Вам О.Клер

ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3. Л. 177–179.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Баишмаков А.* Маркиз де Бай (исследователь доисторических древностей России). 1853–1931 [Эл. ресурс]: Возрождение. 1931. № 50. 11 июня. С. 4. URL: <http://historicperiodicals.princeton.edu> (Дата обращения: 28.11. 2015).

2. *Ванюшева К. В.* Сотрудничество уральских археологов с Московским археологическим обществом (по материалам переписки) // VI Берсовские чтения: материалы конференции. Екатеринбург, 2011. С. 16–20.

3. *Ванюшева К. В.* Письма О. Е. Клера В. Г. Дружинину как источник по истории изучения финно-угорских народов // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1. Ижевск, 2015. С. 99–111.

4. Государственный архив Свердловской области. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3.

5. Государственный архив Свердловской области. Ф. 140. Оп. 1. Д. 41.

6. *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 годах (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2014. 218 с.

7. *Зорина Л. И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Учен. зап. Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург: Банк Культурной Информации, 1996. 208 с.

8. *Мальшева С. Ю.* «Свое», «чужое» и «чуждое» в сфере досуга: опыт рефлексии и саморефлексии горожан второй половины XIX – начала XX в. // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 362–371.

9. *Мельникова О. М.* Петербургские и московские реминисценции в историографическом процессе археологии Удмуртии (заметки к постановке проблемы) // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 468–472.

10. «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А. С. Лебедева А. М. Тальгрену / Публ. С. В. Кузьминых, О. М. Мельниковой, К. В. Ванюшевой // Вестник Удмуртского университета. Вып. 2. Сер. «История и филология». Ижевск, 2008. С. 171–200.

11. Одиссей: человек в истории. 1993: Образ «другого» в культуре / Отв. ред. А. Я. Гуревич. М., 1994. 330 с.

12. *Орехова Н. А.* Барон Жозеф де Бай: Сибирский след // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 1. Красноярск, 2004. С. 60–65.

13. *Пиле К.* Французы – исследователи керченских древностей // Боспорские исследования. 2014. № 30. С. 461–468.

14. *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-история, 2010. 316 с.

15. *Репина Л. П.* «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.

16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 83. Л. 16–17.

17. *Савченко С.* Уральские экскурсии барона де Бая [Эл. ресурс] // URL: <http://www.uole-museum.ru/news/566-2011-07-14-07-41-18> (Дата обращения: 16. 04.2015).

18. *Смирнов А. С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.

Поступила в редакцию 29.07.2016

К. V. Vanyusheva

Meeting with “the Other”:

O. E. Claire’s Correspondence on Organizing Baron J. de Baye’s Trip to the Urals in 1896

The paper attempts to reconstruct the image of the late nineteenth-century Russian science through the eyes of the Ural researcher O. E. Claire whose correspondence serves as the source for this research. These letters are about the French archeologist baron de Baye’s arrival to Russia. Any cross-cultural communication is initially based on a dualistic opposition us / them. The research into Russian provincial public figures’ perception of baron de Baye helps to understand the image of "them" or "others" and also the opposed image of «us». Interaction with the foreign scientist helps to evaluate the level of development of the Russian science and to look critically at the organization of archaeological researches in the Urals and in Russia in general. Thus, the study of O. E. Claire’s correspondence on the organization of baron J. de Baye’s trip to the Urals in 1896 is a possible way to analyze the late nineteenth-century Russian professional community, its features in comparison to the other world. The author analyzes O. E. Claire’s letters written in 1896 to different persons, for example V. G. Druzhinin, the representative of the Imperial Archaeological commission, N. N. Novokreshchennykh, the archeologist and the chairman of the Perm Scientific archival commission, and D. P. Solomirsky, the collector and the philanthropist. At first their letters expressed burdensome expectation of the guest, but after meeting him it changed to the authors’ favour to the French scientist who was capable to appreciate and respect other people’s work unlike local authorities.

Keywords: cross-cultural communication, opposition us / them, provincial community, Russian archeology, French in the Urals, written source, O. E. Claire, J. de Baye.

Ванюшева Ксения Викторовна,

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: vankusu@inbox.ru

Vanyusheva Kseniya Viktorovna,

Candidate of Sciences (History), Junior Research Associate,

Udmurt Institute of History, Language and Literature

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: vankusu@inbox.ru